УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Том 151, кн. 2, ч. 2 Гуманитарные науки *2009*

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 930:94(47)(512.145)"15/17"

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР

Д.А. Мустафина

Аннотация

Статья посвящена историографии проблемы зарождения и становления поместной системы, составлявшей основу Российского государства в XVI – XVII вв. Особое внимание уделено анализу изучения в отечественной историографии истории нерусской части служилого сословия – служилых татар.

Ключевые слова: служилое сословие, служилые татары, феодальная знать, социальная структура, «государева служба», историография истории служилых татар.

Историография интереснейшего и имеющего стержневой характер для российской истории института «государевой службы» при всей неоспоримой привлекательности объекта и значительности роли служилого сословия нерусских народов в становлении и развитии поместной системы и формировании полностью зависимой от государства категории населения при более пристальном рассмотрении оказывается довольно слабо разработанной. Она включает в себя три группы источников: научные труды в форме монографий и статей, публикации источниковых материалов и издания научно-справочного характера.

В данной статье предпринята попытка осмысления отражения истории служилых «татар» главным образом в первой группе историографических источников – научных исследованиях, выполненных отечественными историками.

Информация о служилом сословии нерусских народов была приведена еще в XVIII в. член-корреспондентом Российской Академии наук П.И. Рычковым (см. [1]). Однако она касалась лишь отдельной его части – служилых мещеряков (мишарей).

В 1845 г. Д.А. Валуев осуществил публикацию разрядов 1559–1603 гг., во введении к которой привел, во-первых, перечень публикаций источников и литературы по истории служилого сословия допетровской Руси, ставший первым опытом библиографического обзора. Из него следует, что в российской науке до середины 40-х годов XIX в. осуществлялось накопление исторических знаний преимущественно по проблеме местничества. Во-вторых, Д.А. Валуев

коротко охарактеризовал структуру русского войска, состоящего из восьми разделов, и отметил, что значительность военных походов подчеркивалась назначением особых военачальников – татарских (казанских и азиатских) царей или царевичей, считавшихся «старее» русских воевод. Поступление в ряды боярства безземельных татарских аристократов он отнес ко второй половине XVI в. (см. [2, с. 14–15, 23–24] и др.).

В исследовательской практике интересующая нас часть служилого сословия впервые стала объектом внимания при изучении сословной армии и военной истории России XVI – XVII вв. Так, И.Д. Беляев на основании широкого круга актов (царских указов, грамот, наказов, отписок воевод и памятей губным старостам, поручных записей), изучил структуру, состав, содержание и особенности управления войском при первых Романовых. Рассматривая конную часть войска, исследователь указал на новокрещен, мурз и князей татарских как на третий из имевшихся четырех разрядов конницы, входивших в состав каждого городового полка. Сформирован был этот разряд, по его мнению, из жителей покоренных царств: Казанского, Астраханского и других. Все составляющие полка были подчинены одному военачальнику, полк носил наименование, производное от названия города: туляне, каширяне, рязанцы, муромцы, мещеряне и т. д. Для раздачи жалованья все входившие в городовой полк записывались в одни десятни и находились в ведении одних и тех же окладчиков. Новокрещены, мурзы и князья татарские имели равные с детьми боярскими и городовыми дворянами права на владение вотчинами и поместьями, на получение денежного жалованья по статьям, предусмотренным нормами Соборного уложения. Представив эту категорию ратников как часть русского войска, он указал на ее неоднородность: конфессиональную (мусульмане и христиане) и социальную (высший и низший слои), а также уточнил, что новокрещен и мурз, относившихся к высшему разряду, называли «московского чину».

Вместе с тем имевшийся в научном обороте источниковый материал не позволил И.Д. Беляеву выяснить этносоциальную сущность так называемых городовых казаков, которых он отнес к четвертому разряду русской конницы. Не был он последовательным и в отношении характеристики вооружения нерусских служилых, указывая то на их «азиатское», то на огнестрельное вооружение (см. [3, с. 16–20, 23, 31, 33]).

Тема истории служилых татар получила определенное развитие в монографии Н.А. Загоскина «Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси» (Казань, 1875), посвященной истории организации и происхождения служилого сословия в Московском государстве до начала XVIII в. Именно этому автору принадлежит заслуга в выделении этапов формирования служилых, составных элементов российского дворянства, в определении причин, источников, путей миграции и характера служебных отношений, возникновение основ которых он отнес к периоду Древней Руси. В удельно-вечевой период до XIII в. эти отношения строились, по мнению Загоскина, исключительно на свободных договорных началах. Характер службы претерпевает коренное изменение после монголо-татарского завоевания: служба становится обязательной и основывается на землевладении на вотчинном и поместном праве.

Детально рассмотрев особенности складывания и реорганизации служилого «класса» Московского государства, Загоскин пришел к выводу, что собственно русский «элемент» составлял в нем небольшой процент. В качестве отдельных элементов (пятый и шестой) в него входили представители татарского и других восточных этносов, характеризуя которых, исследователь указал на три момента: 1) на постоянный характер приезда татарских аристократов на русскую службу; 2) на заинтересованность в этой службе обеих сторон; 3) на содержание «выезжей» знати за счет всех княжеств (государства), ибо привлечение ее к службе было продиктовано общегосударственными интересами. Однако заметим, что нерусская часть служилых для него – это, прежде всего, представители феодальной верхушки, аристократия. Это татарские царевичи и мурзы, выехавшие в разное время из различных политических образований: из Большой Орды, Крыма, Ногайской Орды, Казанского, Сибирского и Астраханского ханств или непосредственно в Московскую Русь, или же попадавшие в нее через Великое княжество, Польшу, Малороссию, Рязанское и Тверское княжество, с Вятки.

В 1857 и 1859 гг. в Нижнем Новгороде увидели свет две части «Краткого очерка истории и описания Нижнего Новгорода» Н. Храмцовского, ставшего первым обращением к проблеме формирования служилых людей в Мещерском крае. В 1887 г. в Санкт-Петербурге было опубликовано «Исследование о происхождении и состоянии Литовских татар» профессора Петербургского университета А. Мухлинского, посвященное специальному освещению истории формирования и развития служилого мусульманского населения в Великом княжестве Литовском. Начало формирования упомянутых локальных групп оба исследователя относили к XIV в. и объясняли их появление потребностью в организации обороны и наступления против неприятелей. Сюжеты о миграции представителей золотоордынской аристократии в Мещерский край (в Касимовское ханство) получили развитие в ряде статей Ф.Ф. Лашкова и впоследствии – М.И. Смирнова.

Свою лепту в расширение представления о служилых «татарах» внесли представители либеральной школы. Н.А. Фирсов и Г.И. Перетяткович стали пионерами в осуществлении разработки истории Казанского края и, в особенности, социально-политической и этнической истории народов Среднего Поволжья после падения Казанского ханства. Их интерес к данной проблеме был обусловлен желанием проследить через историю колонизации новых территорий становление могущества Российского государства, оправдать правомерность государственной политики в отношении населения присоединенных территорий. Это обстоятельство наложило отпечаток на труды названных авторов, но вместе с тем научная добросовестность предопределила глубину и аргументированность их наблюдений, не утративших своего значения и ценности и по сию пору.

Заслугой Н.А. Фирсова является и то, что он на базе широкого круга законодательных и делопроизводственных актов попытался представить институт служилых татар как цельное социальное явление, последовательно рассмотрев имущественное и правовое положение, социальную эволюцию и ликвидацию «корпуса служилых инородцев» в Среднем Поволжье. Возникновение этого «корпуса» он связал с завоеванием Казанского ханства и включением инород-

ческого населения в социальную структуру Московского государства. По его логике «инородческое» население представляло собой единую однородную массу, которую Россия «подвела под те общественные деления, на которые распадалось и русское население». «Корпус служилых инородцев» составлял особый отдел в московском войске, и иноверцев использовали там, где необходимо было «наибольшее опустошение». В нем существовали три разряда: 1) царевичи; 2) князья и мурзы, новокрещены и татары; 3) тарханы.

Исследователь привел свое объяснение цели формирования и использования служилого сословия нерусских народов. Привлечение их на службу позволило царскому правительству добиться, по его мнению, двоякой цели. С одной стороны, осуществлять контроль над постоянно находившейся на виду знатью, которой не очень доверяли, с другой стороны – привлекать массу служилых в качестве пособников для покорения татарских ханств. Фирсов подчеркнул, что без служилых иноверцев не обходилось ни одно военное предприятие московского правительства, в том числе и покорение Сибири. Исчезновение этого «класса» – поглощение российским дворянством и податным «классом» инородческого населения – Н.А. Фирсов объяснял ограничением владельческих прав, осуществлявшимся Петром I и его преемниками (см. [4, с. 93, 100, 103]).

Г.И. Перетятковича больше интересовал процесс аграрно-промыслового освоения вновь приобретенных земель государством, монастырями и дворцовым ведомством: строительство засечных черт, укрепленных линий, крепостей. Его исследования, выполненные на основе материалов писцовых книг и широкого круга актов, не утратили своей ценности до настоящего времени, как для исследователей проблем истории Поволжско-Приуральского региона в целом, так и истории служилых татар. Обе его монографии – «Поволжье в XV и XVI веках: Очерки из истории края и его колонизации» (М., 1877) и «Поволжье в XVII и начале XVIII в.: Очерки из истории колонизации края» (Одесса, 1882), в которых автор последовательно раскрыл особенности хозяйственно-экономического функционирования Российского государства, воссоздал целостную картину формирования землевладения, состава и структуры населения в Среднем Поволжье и Приуралье в XVI – XVII вв., показал особенности «верстания» служилых людей и социально-правовое положение «инородцев», способствуют уяснению природы и роли служилого сословия нерусских народов.

Помимо названных выше работ, следует упомянуть целый ряд научных трудов, посвященных рассмотрению вопросов колонизации Волго-Уральского региона и утверждения в нем православия в качестве господствующей идеологии, хотя применительно к проблемам истории интересующей нас категории населения они и носят «прикладной» характер. Это сочинения С.В. Ешевского, А.Ф. Можаровского, Е.А. Малова, В.Н. Витевского, И.Н. Смирнова, В.И. Семевского, Н.В. Никольского и др. Перечисленные авторы при всей их субъективности и концептуальной заданности исследований не обошли вниманием общую картину социальной структуры населения в Поволжско-Приуральском крае, роль служилых людей в процессе заселения и освоения окраин Российского государства во второй половине XVI – XVII вв., методы и способы христианизации народов региона.

Вопросы истории феодальной прослойки татарского населения в XVIII в., разложения и трансформации торговых служилых татар в купечество поднимались в исследованиях Г.С. Губайдуллина, выполненных в 20-е годы прошлого столетия («Из прошлого татар», «Из истории торгового класса татар» и др.). Появление военно-служилого сословия у татар он относил к периоду Казанского ханства, после ликвидации которого, по его мнению, лояльная к московскому правительству часть сохранила свое привилегированное положение. Г. Губайдуллин ограничился лишь констатацией факта распыления служилых «татар» по территории Московского государства, не раскрыв побудительных мотивов этого шага властей. Он не был оригинальным и объяснял появление данной социальной категории в российском войске необходимостью использования ее в борьбе с кочевыми народами – ногайцами, крымскими и сибирскими татарами. Характерно также, что формирование и имущественное положение феодального класса «приволжских татар» рассматривались им с точки зрения теории «торгового капитализма». Вступив в XVIII в. в «разбитом и полуразрушенном» виде, состоявший из высших и низших слоев татарский землевладельческий класс, по мнению исследователя, в середине столетия окончательно разложился, и место его аристократической части занял класс купечества, а подавляющая часть служилых превратилась в ясачных (см. [5]).

В последующие тридцать лет в историографии советского периода особой динамики в изучении интересующей нас проблемы не наблюдалось, можно отметить лишь незначительное (благодаря усилиям А.А. Гераклитова) расширение круга документальных материалов, отражающих социально-экономическое положение мордовских и татарских феодалов Мещерского региона, а также возрождение интереса к истории вооруженных сил. В числе работ этого ряда необходимо указать на ряд трудов А.В. Чернова, посвященных истории вооруженных сил Русского государства в XV – XVII вв. Главную свою задачу автор видел в освещении классовой сущности вооруженных сил и развенчании дворянской и буржуазной литературы, направленных на укрепление господства дворянства и буржуазии. В силу этого он представил фактически первым историографию проблемы и собственную позицию аргументировал материалом широкого круга источников. А.В. Чернов доказывал, что в состоявшем из трех самостоятельных частей – конницы, пехоты и артиллерии – русском войске главную силу составляла конница, состоявшая из народных масс, в которых он видел русских людей.

Отмечая, что с середины XVI в. численность русского войска увеличилась главным образом за счет служилых людей «по прибору», Чернов подтвердил приведенные в работе А.М. Середонина «Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI в.» (СПб, 1891) подсчеты о численности нерусской части служилых людей. Если по Середонину из 110 тыс. человек воинов во второй половине XVI в. доля служилых татар составляла чуть более 9% (не более 10 тыс.), стрельцов и казаков 18.1% (20 тыс.), то по данным А.В. Чернова, в 1630 г. при общей численности ратных людей в 92555 человек удельный вес татар равнялся 11%, чувашей и мордвы – 9%, казаков – 12% и т. д. (см. [6, с. 86, 94, 95, 130]). По мнению А.В. Чернова, воины татарской, чувашской и мордовской конницы, пополнили ряды служилого казачества (наиболее

сложную по составу и организации группу «приборных людей») после присоединения Казанского и Астраханского ханств. При этом нерусские казаки не входили в русские полки, а присоединялись отдельными отрядами под началом мурз и князей к передовому полку, что определялось спецификой этого полка, делавшей насущной потребность в коннице. Характерно, что влившиеся в состав российского дворянства новокрещены, мурзы и князья остались вне поля его зрения.

В 60–70-е годы XX в. наступило известное оживление в изучении отдельных проблем средневековой истории в столицах автономных республик. Несмотря на то что приоритетными направлениями в науке стали проблемы аграрной истории и крестьянских движений, появились и работы, выделявшиеся из общего ряда. К числу таковых в первую очередь принадлежали небольшие статьи Е.И. Чернышева и Р.Н. Степанова.

Е.И. Чернышев на материале актов и писцовых описаний исследовал землевладение татар, социальную структуру татарской деревни во второй половине XVI – XVII вв., имущественное положение служилой и ясачной категорий населения и пришел к заключению о противопоставлении служилыми себя ясачным, проявлявшемся в определении ясачных «чювашами» (см. [7]).

Р.Н. Степанов первым специально обратился к изучению политики царского правительства по отношению к служилым татарам, их социально-экономического положения в XVI – начале XVIII вв., изучению правового статуса тарханов. Начало формирования категории нерусского служилого населения в Московской Руси он отнес ко времени, последовавшему после Куликовской битвы (1380). Считал, что еще до взятия Казани царское правительство привлекало на службу и жаловало татарам земли в центральных районах Московского государства (в Темникове, Кадоме, Шацке, Елатьме, Алатыре и т. д.). А после падения Казани все татары-землевладельцы при условии проявления своей лояльности к новому правительству сохраняли свои земли, были причислены к военно-служилому сословию Русского государства и юридически имели привилегии, одинаковые с русскими служилыми. В иерархии военно-служилого сословия у татар он выделил три ступени: 1) князья, 2) мурзы и огланы, 3) ички- или иски-казаки. Верхушка, приняв православие, практически растворилась в русском дворянстве, а основная масса, вследствие отпадения потребности в их службе, трансформировалась из военного в податное сословие. Примечательно, что Р. Степанов акцентировал внимание как на причинах, обусловивших привлечение на службу и формирование служилых татар, так и остановился на причинах, побуждавших их поступать на царскую службу (см. [8, с. 56–57, 59, 61]). Заметим, что в понятие «служилые татары» он вкладывал преимущественно этническое звучание, понимая под ним все татарское население бывшего Казанского ханства. Такая трактовка термина противоречила точке зрения, согласно которой категория служилых «татар» охватывала феодальную прослойку всех нерусских народов Средневолжского региона (см. [9, с. 69]).

Автор многочисленных трудов по истории Казанского края XVI – XVIII вв. В.Д. Димитриев, обращаясь к проблемам истории служилого сословия, исходил из того, что наряду со служилыми татарами и мордвой существовали «служилые чуваши», то есть в понятие «служилые татары» вкладывал, в свою очередь,

исключительно этническое содержание. По его мнению, чувашских князьков и тарханов, сохранивших свои земельные участки и после завоевания Казани, правительство причислило к сословию мелких и средних служилых людей и привлекало к участию в военных походах Русского государства. Именно они и составили социальную опору власти в регионе. Постепенно значительная часть служилых чувашей подверглась христианизации и переводу «на вечное житье» в города (преимущественно по Карсунско-Симбирской «засечной черте»), где составила особую группу «новокрещенов». Во второй половине XVII в. в связи с реорганизацией русской армии необходимость в службе этой категории отпала, и она была переведена в ясачное крестьянство. Впоследствии, исходя из признания существования и сохранения феодальной знати у всех поволжских народов после падения Казани и указывая на ее превращение в социальную опору царизма в крае, он отмечал, что средняя и мелкая феодальные прослойки чувашей, мари, мордвы и удмуртов не могли быть надежными защитниками. Поэтому на протяжении 150–200 лет они были или нивелированы с ясачными людьми, или вошли в российское служилое сословие (см. [10]).

Социально-политическое положение Среднего Поволжья во второй половине XVI – XVII вв., становление воеводского управления и его роль в жизни региона, взаимоотношения местной ветви власти со складывающимся центральным ведомством – Приказом Казанского дворца – и мн. др. получили освещение в монографии И.П. Ермолаева «Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. / Управление Казанским краем». Эта монография, опубликованная в 1982 г. в издательстве Казанского государственного университета, представляет значительный интерес и для рассматриваемой темы. Начало складывания нерусской части служилого сословия историк отнес к XV в., ко времени правления Василия II и Ивана III, когда произошло образование Касимовского ханства и была осуществлена раздача поместий выходцам из Казанского царства. Понятие «служилый татарин» Ермолаев трактует как собирательный для представителей всех народов региона и считает, что первоначально служилыми становились феодалы и знать бывшего Казанского ханства, а в последующем основную массу служилых татар составили «приборные люди», набранные из ясачников. Историк обратил внимание и на хозяйственное положение, имущественную неоднородность служилых края, принципы наделения их поместьями.

Существенный вклад в разработку проблемы внес С.Х. Алишев. Его перу принадлежит специальная статья о социальной эволюции служилых татар во второй половине XVI – начале XVIII вв., опубликованная в 1984 г. в сборнике «Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода» и монография, посвященная проблеме межэтнических отношений в регионе в указанный период. Складывание этой категории населения С.Х. Алишев относит ко времени независимого существования Казанского ханства и сотрудничества между Москвой и Казанью. Переплетение социальных, этнических и других форм отношений, а также характер политики правительства по отношению к местным народам обусловили, по мнению автора, сложность социальной структуры Средневолжского региона. В нем сложились различные социальные группы – князья, мурзы, тарханы, рядовые служилые.

С.Х. Алишев, в свою очередь, указал на заинтересованность правительства в XVI – XVII вв. в мобильной коннице и привлечении нерусских феодалов к участию в военных кампаниях Российского государства, к строительству городов. Обратил внимание на этническую неоднородность служилых «татар», проследил развитие этой части служилого сословия до формирования полков нового строя и последующее разложение на государственных крестьян, людей духовного звания и торгово-промышленное сословие (см. [11, с. 56; 13, с. 185–186, 190–101]).

А.И. Ногманов занимался изучением законодательной политики царского правительства по отношению к татарскому населению Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XVI – XVIII вв. Он выявил причины противоречивости стремлений правительства к достижению «желаемой модели» в регионе. По его мнению, это внутри- и внешнеполитические факторы, а именно: необходимость корреляции и учета военных и фискальных интересов государства с унификацией и централизацией государства. Исходным моментом начала образования служилой категории населения в Среднем Поволжье он считает факт завоевания Казанского ханства, а окончательное уничтожение татарской феодальной знати относит к XVIII в., когда она была ассимилирована. Лишение же социально-правового статуса средних и низших слоев татарского служилого сословия произошло в силу необходимости корабельной повинности. А.И. Ногманов вскрыл мотивы и цели возвышения служилых татар над другими группами населения Казанского края, стремление правительства оторвать служилых татар от обстановки, которая способствовала бы консолидации татарского феодального класса, сохранению его этнической и религиозной самобытности. Проследил зависимость государственно-правового статуса служилых татар не от этнического и социального, а от религиозного фактора, в конечном счете предопределившего отношение к служилым людям, как к обособленной вместе с ясачными людьми этносоциальной группе (см. [12]).

Отдельные стороны проблемы формирования различных территориальных групп служилых людей, особенности их землевладения, характер службы, в том числе привлечение к общегосударственным работам рассматривались также в трудах Н.В. Заварюхина, У.Х. Рахматуллина, Д.М. Исхакова, И.А. Гилязова, Е.Н. Ошаниной, Е.В. Липакова, Р.Ф. Галлямова, С.Х. Еникеева, Э.И. Амерхановой, А.И. Тарасова, Р.Н. Насырова и др. Особого упоминания заслуживают сочинения Я.Я. Гришина, посвященные истории появления, расселения (осадничества) и особенностям жизнедеятельности польско-литовских татар. Его работы «Польско-литовские татары: Наследники Золотой Орды» (Казань, 1995), «Польско-литовские татары. Взгляд через века: исторические очерки» (Казань, 2000) и «Татарский след в истории Литвы и Польши (XIV – XIX вв.)» (Казань, 2005) основаны на широком архивном материале, выявленном в архивах Польши и Белоруссии, и отличаются аргументированностью наблюдений и выводов. Вызывает сожаление то, что характер сочинений определен как научно-популярный и в силу этого научно-справочный аппарат в них не приведен. В целом же в исследованиях социально-экономического и этнополитического развития территорий, заселенных татарским, марийским, чувашским, удмуртским, мордовским и башкирским этносами, разработка интересующей нас темы

в 80–90-е годы привела к расширению источниковой основы становления, выявлению регионального своеобразия и последующей трансформации института служилых.

В последнее десятилетие возрос интерес к проблеме инкорпорации в дворянское сословие татарской феодальной верхушки. В этом направлении ведут разработку темы Г.А. Двоеносова, С.Х. Еникиев, П.Х. Гребельский, В.В. Первушкин, С.Л. Шишлов, С.В. Думин, существенно расширившие представления об особенностях формирования нерусской части российского и польско-литовского дворянства. Внимание научной общественности было обращено также на административно-приказную службу представителей нерусской части служилых. Так, Д. Лисейцевым была предпринята весьма трудоемкая, но удачная попытка составления списка татар и новокрещен, служивших в 1604–1610 и 1613–1619 гг. в Посольском приказе. Исследователь обратил внимание на принцип наследственности дипломатической службы, отметил верность данной категории служилых людей законному правительству в годы Смутного времени (см. [13]).

Специальному изучению по материалам Посольского же приказа подвергся сюжет о христианизации мусульманской элиты в России в первой половине XVII в. японской исследовательницей А. Хамамото. Сокращенный вариант ее изысканий был напечатан на страницах журнала «Эхо веков=Гасырлар авазы» (2004, № 2). В поле зрения Хамамото оказались действия пожелавших сменить вероисповедание лиц, сама процедура крещения и предоставляемое новокрещенам вознаграждение за крещение, противоречия внутри сословия служилых «инородцев». По ее подсчетам в начале XVII в. в Предкамье приняли православную веру 40% служилых и 5% ясачных людей. Хамамото, хотя четко и не указала, но подвела читателя к мысли о том, что побудительной причиной перехода в православие была экономическая выгода этого шага. Заслуживают внимания и два взаимосвязанных наблюдения исследовательницы о заинтересованности и прямом вмешательстве правительства в процесс крещения мусульманской элиты и пассивном незаинтересованном участии в этом православной церкви. Эта статья служит свидетельством необходимости углубленного изучения характера политики правительства по отношению к элите покоренных народов и к основной массе служилой их части (см. [14]).

В 2006 г. в Москве был опубликован справочник «От служилых татар к татарскому дворянству», составленный И.Р. Габдуллиным. Данное издание представляется продолжением изысканий, изложенных А.Х. Халиковым в книге «500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения» (Казань, 1992). В нем обобщен материал об известных татарских мусульманских служилых родах, приведены сведения о расселении служилой части татарского этноса, основных регионах складывания татарского служилого землевладения, о военной службе, хозяйственной деятельности, дипломатической службе. Ценность этого издания определяется, главным образом, ее документальной основой – оно составлено преимущественно на малоизвестных архивных материалах, извлеченных из древлехранилищ Москвы, Казани, Санкт-Петербурга, Самары, Оренбурга и Уфы.

Итак, научный интерес к данной категории населения впервые был проявлен, да и то «касательно», в 40-е годы XIX в. Во второй половине указанного

столетия наблюдался всплеск интереса к двум локальным группам служилого сословия – мещерякам и литовским татарам. В основном же в рассматриваемый период служилые татары становились объектом внимания лишь в связи с воссозданием истории сословной армии, организации и происхождения служилого сословия в целом, или при исследовании колонизационных процессов и социальной структуры населения в Среднем Поволжье и Приуралье.

В историографии советского периода интересующая нас тема оказалась востребована при увлечении модной в 20–30-е годы теорией «торгового капитализма», а затем до 60–70-х годов пребывала в забвении. Своеобразным толчком к возобновлению разработки данной проблемы послужили статьи казанских историков Е.И. Чернышева (о татарской деревне) и Р.Н. Степанова (специально о служилых татарах). Однако в последующих исследованиях, выполненных за период с 70–80-х годов XX в. до начала XXI в., историки автономных поволжских республик придерживались узко региональных рамок и конкурировали в поиске доказательств существования служилой прослойки у того или иного этноса. При этом временем формирования сословия «служилых татар» назывались то XIV век (как правило, два последних десятилетия), то вторая половина XVI в. Само это понятие толковалось трояко: одни исследователи вкладывали в него этническое содержание, другие – социально-юридический смысл, третьи указывали на его социально-религиозный характер.

Специальное комплексное исследование проблемы оставалось задачей будущего. И в этом немаловажную роль сыграли именно терминологические нюансы, мешающие представлению истинной природы неоднородного, многослойного и получившего распространение и развитие на всей территории Российского государства института служилых «татар» – части служилого российского сословия. Масштабов и роли указанной категории населения в становлении и развитии служилой системы, унаследованной Московской Русью от своего сюзерена – Золотой Орды. Системы, обеспечившей Ивану IV, Борису Годунову, Василию Шуйскому и первым Романовым сильную армию, которой не было ни на Западе, ни на Востоке, за исключением, видимо, лишь Османской империи. Поэтому исследование проблем истории служилых «татар» следует, на наш взгляд, проводить в русле изысканий, призванных проследить сложный социальный синтез, процесс перемалывания заимствованных из Золотой Орды социально-политических институтов и порядков местными, коренными для русских княжеств традициями и рождения нового социального единства – Российской империи.

Наряду с накоплением (безусловно, необходимым) сведений генеалогического характера по отдельным родам и фамилиям, сложения различных категорий нерусской части служилых, территориальных рамок расселения локальных групп, круга функциональных прав и обязанностей (участие и роль в военных кампаниях и сражениях, привлечение к гарнизонной, караульной, дипломатической службе), изучением политики правительства по отношению к ним, динамики социального положения, христианизации и трансформации в российское дворянство, на данном этапе следует, на наш взгляд, обратить особое внимание на выявление этапов и региональных особенностей формирования служилых «татар», на пополнение их рядов за счет представителей различных

общественных организмов и территорий, на изменение добровольного характера службы, на вынужденное привлечение, наконец, на различия в социальной структуре и положении служилых «татар» в различных регионах Российского государства, а также в Великом княжестве Литовском.

Summary

D.A. Mustafina. The Historiographical Aspects of the Service Class Tatars' History.

The article views historiography of the problem of formation of estate system that served as a basis for Russian State in 16–17th centuries. Particular attention is given to analysis of Russian historiographical studies of non-Russian part within the service class, i. e. service class Tatars.

Key words: service class, service class Tatars, feudal nobility, social structure, "Tsar service", historiography of service class Tatars' history.

Литература

1. *Рычков П.И.* Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии. – СПб., 1762. – 242 с.
2. *Валуев Д.А.* Разрядная книга от 7067 до 7112 года. Введение // Синбирский сборник. – М., 1845. – Т. 1. – С. 13–184.
3. *Беляев И.Д.* О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его до преобразований, сделанных Петром Великим. – М, 1846. – 118 с.
4. *Фирсов Н.А.* Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. – Казань, 1866. – 261 с.
5. *Насретдинова Д.М.* Историк Г.С. Губайдуллин. 1887–1937 гг. Жизнь и творчество: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Казань, 1997.
6. *Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского государства в XV – XVII вв. – М., 1954. – 223 с.
7. *Чернышев Е.И.* Татарская деревня второй половины XVI и XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961. – Рига, 1963. – С. 174–183.
8. *Степанов Р.Н.* К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ. Право. История. Филология. – Казань, 1964. – С. 52–70.
9. *Кузнецов И.Д.* Очерки по истории чувашского крестьянства. – Чебоксары, 1957. – Ч. 1. – 344 с.
10. *Айплатов Г.Н.* Труды В.Д. Димитриева по истории феодальной Чувашии // Учен. зап. НИИ при Сов. Мин. Чуваш. АССР. – 1968. – Вып. 40. – С. 309–316.
11. *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья: XVI – начало XIX в. – М., 1990. – 270 с.
12. *Мустафина Д.А.* [Рец.:] Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI – XVIII вв. – Казань, 2002; Самодержавие и татары: Очерки истории законодательной политики второй половины XVI – XVIII веков. – Казань, 2005 // Марийский археографический вестн. – 2007. – № 12. – С. 233–235.
13. *Лисейцев Д.* Служилые татары и новокрещены Посольского приказа в начале XVII в. // Эхо веков=Гасырлар авазы. – 2003. – № 1/2. – С. 31–44.

14. *Хамамото А.* О христианизации служилых татар в первой половине XVII в.: по документам Российского государственного архива древних актов // Эхо веков=Гасырлар авазы. – 2004. – № 2. – С. 196–203.

Поступила в редакцию
10.09.08

Мустафина Дина Абдулбаровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры татарского народа Казанского государственного университета.
E-mail: *mustdina@yandex.ru*